

О.А. Волкова**O. Volkova****СОЦИАЛЬНО-
ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ
ДИВЕРГЕНЦИЯ В
СТРАНАХ
ПОСТСОВЕТСКОГО
ПРОСТРАНСТВА:
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ
НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА
ДИНАМИКИ СОЦИАЛЬНО-
ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ
ПОКАЗАТЕЛЕЙ****SOCIAL AND
DEMOGRAPHIC
DIVERGENCE IN THE
POST-SOVIET
COUNTRIES:
CONCEPTUALIZATION
BASED ON THE ANALYSIS
OF THE DYNAMICS OF
SOCIO-DEMOGRAPHIC
INDICATORS****Аннотация**

В статье представлен анализ динамики ключевых социально-демографических показателей рождаемости, смертности, ожидаемой продолжительности жизни и миграции в 2014–2024 гг. в странах СНГ. В рамках исследования концептуализируется понятие социально-демографической дивергенции применительно к постсоветскому региону: оно трактуется как устойчивое расхождение уровней и тенденций демографического развития между европейскими, закавказскими и центрально-азиатскими подсистемами. Источниковую базу исследования составляют данные Межгосударственного статистического комитета СНГ и национальных статистических ведомств. В работе используются методы сравнительного и ретроспективного анализа, статистического описания и межстранового сопоставления динамики показателей. На этой основе понятие социально-демографической дивергенции операционализируется через систему количественных индикаторов, что позволяет интегрировать результаты разрозненных национальных и индикаторных исследований в единую аналитическую рамку. Обосновано, что центральноазиатские государства в рассматриваемый период сохраняют инерцию социально-демографического роста, европейские страны сталкиваются с системным кризисом депопуляции и старения, частично

Abstract

The article presents an analysis of the dynamics of key socio-demographic indicators of birth rate, mortality, life expectancy, and migration in 2014–2024 in the CIS countries. The study conceptualizes the concept of socio-demographic divergence in relation to the Post-Soviet region: it is interpreted as a persistent divergence in the levels and trends of demographic development between the European, Transcaucasian, and Central Asian subsystems. The study is based on data from the CIS Interstate Statistical Committee and national statistical agencies. The study uses comparative and retrospective analysis, statistical description, and cross-country comparison of indicator dynamics. On this basis, the concept of socio-demographic divergence is operationalized through a system of quantitative indicators, which allows for the integration of the results of disparate national and indicator studies into a unified analytical framework. It is shown that the Central Asian states maintain the inertia of socio-demographic growth during the period under consideration, while European countries face a systemic crisis of depopulation and aging, which is partially compensated by migration, while the South Caucasus occupies an intermediate position, gradually approaching the European model of reduced reproduction.

компенсируемым миграцией, тогда как Закавказье занимает промежуточное положение, постепенно приближаясь к европейской модели суженного воспроизводства. Полученные результаты уточняют понятийный аппарат анализа демографических процессов на постсоветском пространстве и могут быть использованы при разработке дифференцированной демографической политики на межгосударственном и региональном уровнях.

The results obtained clarify the conceptual framework for analyzing demographic processes in the Post-Soviet space and can be used in the development of differentiated demographic policies at the interstate and regional levels.

Ключевые слова:

демография; постсоветское пространство; рождаемость; смертность; продолжительность жизни; миграция; сотрудничество независимых государств; естественный прирост; депопуляция.

Key words:

demography; Post-Soviet space; birth rate; death rate; life expectancy; migration; Commonwealth of Independent States; natural increase; depopulation.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-2-83-94>

В настоящее время, на исходе первого тридцатилетия существования Содружества Независимых Государств (СНГ), социально-демографическая картина на постсоветском пространстве представляет собой крайне неоднородный ландшафт (Верняев, 2024). Он сформирован под влиянием разнонаправленных векторов социально-экономического развития, культурно-исторических традиций и геополитических потрясений последних лет (Зангеева, 2024; Худзяляк, 2024). Анализ статистических материалов, охватывающих десятилетний период с 2014 по 2024 гг., позволяет не только зафиксировать текущее положение дел, но и выявить глубинные структурные сдвиги, происходящие в социально-демографической ситуации государств Содружества.

В последние десятилетия постсоветское пространство, в том числе Россия, переживает глубокую трансформацию социально-демографических процессов, проявляющуюся в разнонаправленной динамике рождаемости, смертности, ожидаемой продолжительности жизни и миграции (Молчанов, 2025; Крупко, 2025; Ионцев, 2024). При внешней целостности региона, объединенного общим историческим наследием, страны СНГ демонстрируют всё более выраженный разрыв в моделях воспроизводства населения, по-разному реагируя на затяжные социально-экономические кризисы, пандемические и военно-политические события.

В этой связи актуализируется задача комплексного сопоставления ключевых социально-демографических показателей, который позволит, с одной стороны, выявить устойчивые линии расхождения между европейскими, закавказскими и центральноазиатскими государствами, а с другой показать, каким образом миграционные потоки, усиливая или сглаживая есте-

ственное движение населения, формируют новые контуры социально-демографической карты региона.

Проблема исследования заключается в том, что при очевидном расхождении социально-демографических траекторий постсоветских стран до сих пор не разработана целостная концепция социально-демографической дивергенции, опирающаяся на сопоставимый анализ динамики ключевых социально-демографических показателей (рождаемости, смертности, продолжительности жизни, миграции) в масштабах всего региона. Цель исследования заключается в том, чтобы проследить, как изменение ключевых социально-демографических показателей в странах постсоветского пространства в 2014–2024 гг. приводит к формированию социально-демографической дивергенции между европейскими, закавказскими и центральноазиатскими подсистемами региона.

Научная новизна работы заключается в том, что социально-демографическая дивергенция постсоветских стран вводится и обосновывается как самостоятельная аналитическая конструкция, опирающаяся на совместный анализ динамики рождаемости, смертности, ожидаемой продолжительности жизни и миграции за период 2014–2024 гг. В отличие от существующих исследований, сосредоточенных, как правило, на отдельных показателях или национальных кейсах, в статье предлагается целостное видение постсоветского пространства как системы расходящихся демографических траекторий, что позволяет по новому интерпретировать устойчивое расхождение между европейскими, закавказскими и центральноазиатскими подсистемами региона.

Социально-демографическая дивергенция в странах постсоветского пространства понимается как расхождение в уровнях и тенденциях ключевых демографических показателей между государствами региона. Она проявляется в том, что одни страны закрепляются на векторе устойчивого социально-демографического роста, а другие — на траектории депопуляции и старения населения, и с течением времени разрыв между ними не сокращается, а только лишь усиливается.

Методологической основой исследования выступает сочетание сравнительного и ретроспективного анализа (Кларк, 2021), позволяющее проследить, как изменялись ключевые социально-демографические показатели в странах постсоветского пространства на протяжении 2014–2024 гг. Эмпирическую базу составили официальные статистические данные Межгосударственного статистического комитета СНГ с учетом данных национальных статистических ведомств¹. На основе этих данных были рассчитаны и сопоставлены показатели рождаемости, смертности, ожида-

¹ База данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ». (2026). Межгосударственный статистический комитет СНГ. <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iFrameId=44176>.

емой продолжительности жизни, естественного прироста и миграционного сальдо для государств региона.

В исследовании применяются методы статистического описания динамики показателей, межстранового сравнения, а также элементы кластерного подхода, позволяющие группировать страны по типам демографических траекторий и диагностировать формирование зон устойчивого роста и депопуляции. Концептуализация социально-демографической дивергенции опирается на сопоставление темпов и направленности изменений указанных показателей, что дает возможность, не выходя за рамки количественного анализа, выявить линии долгосрочного расхождения между европейскими, закавказскими и центральноазиатскими подсистемами постсоветского пространства.

Наиболее рельефно контраст между рассматриваемыми странами проявляется в динамике общей численности населения. Для государств Центральной Азии, таких как Таджикистан и Узбекистан, характерен устойчивый и интенсивный рост (население Таджикистана увеличилось с 8,1 до 10,2 млн человек, а Узбекистана – с 30,4 до 36,8 млн). А страны Восточной Европы демонстрируют прямо противоположную тенденцию. Население Украины, столкнувшейся с беспрецедентными военно-политическими вызовами, сократилось с 45,2 млн в 2014 году до 40,9 млн в 2022-м (последние доступные данные). Россия, преодолев наивысший пик по количеству жителей в 2019 году (147,8 млн), к 2024 году снова вернулась к показателям начала десятилетия (146,1 млн). При этом Беларусь и Молдова также неуклонно теряют население. Причем если в случае с Беларусью процесс носит плавный характер (с 9,4 до 9,1 млн), то Молдова, с учетом непризнанного Приднестровья, демонстрирует обвальное падение – с 2,8 до 2,4 млн человек, что, несомненно, усугубляется эмиграционным оттоком (табл. 1).

Таблица 1. Динамика численности постоянного населения (тысяч человек, на начало года)¹

Год	Страны									
	Азербайджан	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Молдова	Россия	Таджикистан	Узбекистан	Украина
2014	9 477	3 017	9 444	17 161	5 777	2 869	144 025	8 161	30 493	45 246
2015	9 593	3 011	9 453	17 416	5 895	2 846	146 744	8 352	31 023	42 760
2016	9 706	2 999	9 469	17 670	6 020	2 826	147 182	8 551	31 575	42 591
2017	9 810	2 986	9 470	17 918	6 140	2 781	147 580	8 743	32 121	42 415
2018	9 898	2 973	9 448	18 157	6 257	2 730	147 797	8 931	32 657	42 217
2019	9 951	2 965	9 429	18 396	6 390	2 685	147 841	9 127	33 256	41 984
2020	9 974	2 960	9 410	18 632	6 664	2 644	147 959	9 314	33 905	41 733
2021	10 026	2 963	9 350	18 880	6 790	2 627	147 456	9 717	34 559	41 419
2022	10 063	2 961	9 256	19 503	6 913	2 565	146 980	9 887	35 271	40 998
2023	10 127	2 977	9 201	19 767	7 037	2 492	146 447	10 078	36 025	-
2024	10 181	2 991	9 156	20 034	7 162	2 423	146 151	10 288	36 800	-

В основе столь разительных отличий лежат, прежде всего, параметры естественного воспроизводства. Так, анализ общего коэффициента естественного прироста населения фиксирует наличие в СНГ двух принципиально различных социально-демографических картин. Наблюдается высокий прирост, который характерен, например, для Таджикистана (от 23,8 промилле в 2014 году до 22,0 промилле в 2024-м) и Кыргызстана (хотя и происходит снижение с 21,6 до 15,0 промилле). Однако в целом естественный прирост населения в этих странах на всём рассматриваемом периоде остаётся положительным (значения коэффициента естественного прироста даны со знаком «плюс» и не опускаются ниже нуля). Наблюдаемый прирост населения обеспечивается традиционно высокой рождаемостью, которая, впрочем, демонстрирует тенденцию к постепенному затуханию к 2024 году (табл. 2).

¹ Примечание. Расчет составлен по материалам: База данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ». Межгосударственный статистический комитет СНГ. <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iFrameId=44176>.

Таблица 2. Динамика общего коэффициента естественного прироста, промилле¹

Год	Страны									
	Азербайджан	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Молдова	Россия	Таджикистан	Узбекистан	Украина
2014	12,2	5,1	-0,3	15,5	21,6	-0,2	0,2	23,8	18,4	-3,9
2015	11,7	4,6	-0,1	15,3	21,6	-0,3	0,3	24,1	18,6	-4,2
2016	10,6	4,1	-0,2	15,1	20,5	-0,3	0,0	22,7	18,6	-4,4
2017	8,9	3,5	-1,8	14,5	19,4	-0,8	0,9	21,7	17,1	-5,1
2018	5,1	3,6	-2,8	14,6	21,9	-1,0	1,6	22,0	18,6	-6,1
2019	8,7	3,4	-3,5	14,5	21,7	-1,5	2,2	21,8	19,7	-6,6
2020	5,1	0,1	-	13,8	17,9	-3,8	4,8	21,3	19,5	-8,1
2021	3,5	0,8	-	13,9	16,6	-6,2	7,1	18,1	20,9	-11,2
2022	6,2	3,3	-	13,8	17,0	-3,6	4,0	20,1	21,4	-
2023	5,2	4,1	-	12,9	16,2	-3,9	3,5	21,4	21,7	-
2024	4,2	2,7	-6,1	11,6	15,0	-4,1	-	22,0	20,2	-

При этом суммарный коэффициент рождаемости в Таджикистане, достигавший в отдельные годы наиболее высоких показателей (по сравнению с другими странами), все еще остается далеким от уровня простого воспроизводства (то есть устойчиво держится выше него). В Узбекистане, напротив, наблюдается даже некоторый рост показателя суммарный коэффициент рождаемости в последние годы (с 2,5 в 2014-м до 3,4 в 2023-м), что вместе со снижающейся смертностью дает мощный прирост населения.

Совершенно иная ситуация сложилась в европейской части постсоветского пространства. Здесь естественная убыль стала устойчивой тенденцией. В частности, Россия, пройдя через период околонулевых значений в середине 2010-х гг., с 2018 года устойчиво уходит в минус, достигнув пика убыли в ковидном 2021 году (-7,1 промилле). Беларусь, имевшая незначительную отрицательную динамику еще до пандемии, к 2024 году вышла на показатель -6,1 промилле. Украина, даже без учета потерь, связанных с ведением боевых действий, демонстрировала стабильно высокую убыль на уровне

¹ Примечание. Расчет составлен по материалам: База данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ». Межгосударственный статистический комитет СНГ. <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iframeId=44176>.

от -3,9 до -6,6 промилле, усугубленную в 2021 году до -11,2. Примечательно, что в Закавказье ситуация балансирует на грани: Азербайджан и Армения, имевшие в начале периода положительный прирост (до 12,2 и 5,1 промилле соответственно), к 2024 году приблизились к отметке (4,2 и 2,7 промилле), что свидетельствует об исчерпании потенциала демографического роста и переходе к европейской модели рождаемости.

Не менее показательной является динамика смертности, ставшая маркером не только качества медицинских услуг, но и глубины социальных проблем (табл. 3).

Таблица 3. Динамика смертности населения, промилле¹

Год	Страны									
	Азербайджан	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Молдова	Россия	Таджикистан	Узбекистан	Украина
2014	5,9	9,2	12,8	7,7	6,1	11,1	13,1	4	4,9	14,7
2015	5,7	9,3	12,6	7,5	5,8	11,2	13	4	4,9	14,9
2016	5,9	9,4	12,6	7,4	5,5	10,8	12,9	3,9	4,9	14,7
2017	5,9	9,1	12,6	7,2	5,4	10,4	12,4	3,6	5	14,5
2018	7,6	8,7	12,7	7,2	5,2	13,8	12,5	3,6	4,7	14,8
2019	5,6	8,8	12,8	7,2	5,2	13,6	12,3	3,6	4,6	14,7
2020	7,6	12,2	-	8,6	6,1	15,4	14,6	4,5	5,1	15,9
2021	7,7	11,6	-	9,6	5,8	17,4	16,7	4	5	18,5
2022	6	9	-	6,8	4,5	14,2	12,9	3,1	4,8	-
2023	5,9	8,2	-	6,6	4,4	13,7	12,1	3,2	4,7	-
2024	5,8	8,4	12,6	6,6	4,4	13,9	-	3,2	4,7	-

Традиционно низкие показатели смертности фиксируются в странах с молодым населением – Таджикистане, Узбекистане, Азербайджане (на уровне 3–6 промилле). Тогда как Россия, Беларусь, Молдова и Украина стабильно имеют показатели выше 12–13 промилле. Однако пандемия коронавируса внесла катастрофические коррективы в эту картину. Практически все страны испытали резкий всплеск смертности в 2020–2021 годах. В Армении общий коэффициент смертности подскочил с 8,8 в 2019-м до 12,2 в 2020-м,

¹ Примечание. Расчет составлен по материалам: База данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ». Межгосударственный статистический комитет СНГ. <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iframeId=44176>.

в Молдове – с 13,6 до 15,4, а в России – с 12,3 до 14,6. Особенно выделяется Украина, где в 2021 году смертность достигла 18,5 промилле – одного из самых высоких показателей в Содружестве за всю историю наблюдений. Казахстан, несмотря на относительно благополучную динамику предшествующих лет, также ощутил удар пандемии: показатель смертности в этой стране вырос с 7,2 в 2019-м до 8,6 в 2020-м и 9,6 в 2021-м.

На фоне колебаний общей смертности младенческая смертность, напротив, демонстрирует устойчивый тренд к снижению, что является безусловным достижением систем здравоохранения всех стран СНГ. Так, в Азербайджане она упала с 10,2 промилле в 2014 году до 7,5–7,8 в 2021–2022 годах, хотя и наблюдался аномальный всплеск до 18,1 в 2023-м, требующий отдельного анализа. Казахстан снизил этот показатель более чем втрое по сравнению с началом 1990-х, достигнув 6,8 промилле в 2024-м. Россия, одна из первых столкнувшаяся с проблемой высокой младенческой смертности в 1990-е гг., сегодня имеет один из лучших показателей в СНГ – 4,2 промилле (2023 год). И лидером по этому показателю по-прежнему остается Беларусь с самыми низкими цифрами – около 2,9 промилле в последние годы.

Закономерным отражением уровня смертности выступает показатель ожидаемой продолжительности жизни (табл. 4).

Таблица 4. Динамика продолжительности жизни, лет¹

Год	Страны									
	Азербайджан	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Молдова	Россия	Таджикистан	Узбекистан	Украина
2014	74,2	75	73,2	71,5	70,4	71,5	70,9	73,4	73,4	71,4
2015	75,2	75	73,9	72	70,6	71,5	71,4	73,6	73,6	71,4
2016	75,2	75	74,1	72,3	70,9	72,2	71,9	73,7	73,8	71,7
2017	75,4	75,4	74,4	72,9	71,1	73,2	72,7	74,9	73,7	72
2018	75,8	75,9	74,5	73,2	71,3	70,6	72,9	75	74,6	71,8
2019	76,4	76,5	74,5	73,2	71,5	70,9	73,3	75,1	75,1	72
2020	73,2	73,5	-	71,4	71,9	69,8	71,5	-	73,4	71,4
2021	73,6	72,4	-	72,4	71,8	69	70,1	-	73,8	69,8
2022	76	75,1	-	74,4	71,9	71,4	72,7	76,3	74,3	-
2023	76	77,7	-	75,1	72	71,9	73,4	76,5	74,7	-
2024	76,9	78,6	-	75,4	72,1	72	-	76,2	75,1	-

¹ Примечание. Расчет составлен по материалам: База данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ». Межгосударственный статистический комитет СНГ. <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iframeId=44176>.

И здесь разрыв между странами также является большим. Армения и Азербайджан в 2023–2024 гг. вышли на показатели, превышающие 76–78 лет, приближаясь к стандартам развитых европейских стран, причем женское население в Закавказье уверенно перешагивает 80-летний рубеж (в Армении в 2023 году – 81 год). Высокие позиции сохраняет Беларусь (около 74 лет, хотя данные за последние годы фрагментарны). В то же время Россия, преодолев пандемийный провал (падение до 70,1 года в 2021-м), смогла восстановиться до 73,4 года в 2023-м.

Наиболее драматично выглядит ситуация в Молдове, где продолжительность жизни мужчин, не поднимаясь выше 69 лет за весь период, остается крайне низкой, что вкупе с высокой эмиграцией формирует образ «стареющей и убывающей нации». Примечательно, что гендерный разрыв в продолжительности жизни, будучи традиционно высоким для постсоветских стран (в России и Беларуси он в некоторые годы достигает даже 10–11 лет в пользу женщин), в Закавказье и Центральной Азии несколько ниже, составляя 5–7 лет, что может косвенно свидетельствовать о меньшем распространении деструктивных моделей мужского поведения.

Было бы неполным анализировать социально-демографическую ситуацию исключительно через призму естественного движения населения, игнорируя мощнейший фактор миграции. Миграционное движение населения (как внутри страны, так и за ее пределами) с десятилетиями приобретает все более высокое значение (табл. 5).

Таблица 5. Миграционный прирост населения

Год	Страны									
	Азербайджан	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Молдова	Россия	Таджикистан	Узбекистан	Украина
2014	1,1	-21,8	15,7	-12,2	-7,7	-24,7	0	-5,7	-38,6	22,6
2015	1,1	-25,9	18,5	-13,5	-4,2	-21,3	245,4	-4,8	-29,3	14,2
2016	1,5	-24,9	7,9	-21,6	-3,9	-45,9	262	-4,3	-26,2	10,6
2017	1,2	-24	3,9	-22,1	-3,9	-49,4	211,8	-3,7	-18,6	12
2018	1,6	-18,2	9,4	-29,1	-5,4	-41,8	124,9	-3,1	-14,7	18,6
2019	0,4	-15,4	13,9	-33	-6,2	-38,2	285,1	-13,6	-10,7	21,5
2020	1,1	3,3	-	-17,7	-4,9	-7,2	106,5	-7,9	-12,5	9,3
2021	1,8	-4,1	-	-21,2	-0,8	-45,4	429,9	-7,3	-18,3	21,3
2022	1,8	6,1	-	-6,7	5,9	-63,6	61,9	-8,8	-6,5	-
2023	1,2	41,4	-	9,3	9,8	-59,6	203,6	-	-14,4	-
2024	0,7	-	-	16,6	11,2	-32,1	-	-	-8,6	-

Миграционный прирост населения (или, даже чаще, убыль) стал для многих стран проблемой, обнуляющей любые надежды на стабилизацию численности населения стран и регионов. Традиционные доноры мигрантов – Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан – стабильно теряют население за счет выезда своих граждан из родной страны. За десятилетие отрицательное сальдо миграции для Узбекистана составило десятки тысяч человек ежегодно. Армения, пережившая пик оттока в 1990-х гг., в последние годы демонстрирует неустойчивую динамику: от огромного оттока в 2010-х гг. до неожиданного притока иностранцев (и возвращением армян на родину) в 2023-м г. Это, вероятно, связано с наплывом релокантов из России и Украины. Следует отметить, что Россия, будучи главным центром притяжения мигрантов на пространстве СНГ, традиционно имела положительное сальдо, однако в отдельные годы (2014, 2020) оно обнулялось или снижалось, а постпандемийный 2021 г. принес рекордный прирост, сменившийся спадом.

Наибольшую тревогу вызывает миграционная ситуация в Молдове. Начиная с 2014 года, страна ежегодно теряет население. И масштабы убывтия не имеют тенденции к снижению, что в масштабах трехмиллионной страны является социально-демографической проблемой, сводящей на нет естественное воспроизводство местного населения. Украина, даже в относительно мирном 2019 году, теряла за счет миграции большую долю населения, а с началом военных действий статистика, очевидно, фиксирует наибольшую миграционную убыль.

Подводя итог, следует констатировать, что постсоветское пространство переживает фазу глубокой социально-демографической дивергенции. Она проявляется в расхождении показателей и тенденций изменения в разных социально-демографических группах и территориях, что приводит к росту различий между ними. При этом центральноазиатский регион на сегодняшний день сохраняет инерцию роста, базирующуюся на традиционно высокой рождаемости и постепенном снижении смертности. Закавказье в настоящее время балансирует на грани перехода к суженному воспроизводству, все более приближаясь к европейским реалиям. Европейские же государства СНГ (Россия, Украина, Беларусь, Молдова) столкнулись с системным кризисом депопуляции, усугубленным как социально-экономическими факторами, так и беспрецедентными эпидемиологическими и военно-политическими причинами. И в сложившихся условиях миграция из азиатских республик в европейские страны выступает своего рода буфером, частично компенсирующим убыль населения в странах-реципиентах, но одновременно формирующим новые вызовы для социальной и этнокультурной политики принимающих государств. Дальнейшее развитие ситуации будет зависеть от способности правительств адаптировать социальные институты к новым социально-демографическим реалиям, включая старение населения и трансформацию моделей семьи.

Практическая значимость проведённого анализа состоит в том, что он даёт основанное на сравнительных данных представление о масштабах и направлениях социально-демографической дивергенции внутри СНГ, позволяя более адресно формировать меры демографической и социальной политики. Выявляя страны и подсистемы, находящиеся в зоне устойчивой депопуляции населения, а также регионы с сохраняющейся демографической инерцией его роста, исследование создаёт эмпирическую базу для дифференциации государственных стратегий. Это комплекс мероприятий, начиная от поддержки рождаемости и снижения избыточной смертности до управления миграционными потоками и адаптации социальных институтов к общему старению населения. Полученные результаты исследования могут быть использованы при разработке долгосрочных программ демографического развития, корректировке национальных проектов и согласовании межгосударственных инициатив в рамках СНГ.

Отдельного внимания заслуживает возможность использования полученных результатов на уровне внутринациональной, региональной демографической политики, поскольку за средними по каждой стране показателями нередко скрывается разнонаправленная динамика развития субъектов и крупных городских агломераций. Сопоставление траекторий рождаемости, смертности, ожидаемой продолжительности жизни и миграции позволяет региональным органам власти точнее идентифицировать зоны риска депопуляции, старения и миграционного оттока, выбирая не универсальные, а дифференцированные меры поддержки местного населения. Тем самым результаты исследования могут служить эмпирической основой для адаптации региональных программ развития, настройки институтов здравоохранения, социальной защиты и занятости к специфическим социально-демографическим вызовам отдельных территорий.

Перспективы дальнейшего изучения рассматриваемой тематики связаны, во-первых, с углублением анализа факторов, лежащих за агрегированными показателями рождаемости, смертности, продолжительности жизни и миграции, включая ценностные установки, институциональные изменения и последствия демографических переходов. Во-вторых, целесообразным представляется развитие межстрановых и внутривосточных сравнений, позволяющих проследить, как демографическая политика, функционирование институтов и социально-экономические условия модифицируют траектории социально-демографической дивергенции на постсоветском пространстве. Наконец, важным направлением становится построение комплексных социально-демографических прогнозов и моделей, учитывающих взаимодействие естественного движения и миграции, что позволит более обоснованно разрабатывать долгосрочные стратегии социально-экономического и пространственного развития стран и регионов СНГ.

Литература

Clark, A. E. (2021). Demography and Well-Being. *Vienna Yearbook of Population Research*, 19, 23–28.

Hudzelyak, I. (2024). Demographic development of the countries of Northern Europe: current trends for the Ukrainian experience. *Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія: Геологія. Географія. Екологія*. 61, 166–179.

Верняев, И. И. (2024). Историческая динамика благосостояния республик СССР в свете антропометрических данных: конвергенция или дивергенция? *Журнал фронтирных исследований*. 9(35), 143–174.

Зангеева, Н. Р. & Батомункуев В. С., Ульзетуева А. Д. (2024). Динамика демографического развития регионов Азиатской части России. *Географический вестник*, 4(71), 79–90.

Ионцев, В. А. & Узкая Ю. А. (2024). Евразийский путь демографического развития в России как вызов глобально-либеральной модели демографического перехода. *Уровень жизни населения регионов России*, 20(4) 597–611.

Крупко, А. Э. & Нестеров Ю. А., Михайлов К. М. (2025). Типология регионов России по динамике населения за постсоветское время и демографическая безопасность страны. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология*, (3), 30–38.

Молчанов И. Н., & Отарова К. В. (2025). Особенности демографического развития России в постсоветский период. *Народонаселение*, 28 (3), 113–124. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-3-113-124>

References

Clark, A. E. (2021). Demography and well-being. *Vienna Yearbook of Population Research*, 19, 23–28.

Hudzelyak, I. (2024). Demographic development of the countries of Northern Europe: Current trends for the Ukrainian experience. *Bulletin of V. N. Karazin Kharkiv National University. Series: Geology. Geography. Ecology*, 61, 166–179.

Iontsev, V. A., & Uzskaya, Yu. A. (2024). Eurasian path of demographic development in Russia as a challenge to the global-liberal model of demographic transition. *Standard of Living of the Population of Russian Regions*, 20(4), 597–611.

Krupko, A. E. & Nesterov, Yu. A., & Mikhailov, K. M. (2025). Typology of Russian regions by Post-Soviet population dynamics and demographic security of the country. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Geography. Geoecology*, (3), 30–38.

Molchanov, I. N., & Otarova, K. V. (2025). Features of demographic development of Russia in the Post-Soviet period. *Population*, 28(3), 113–124. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-3-113-124>

Vernyaev, I. I. (2024). Historical dynamics of welfare of USSR republics in light of anthropometric data: Convergence or divergence? *Journal of Frontier Studies*, 9(35), 143–174.

Zangeeva, N. R., & Batomunkuev, V. S., & Ulzetueva, A. D. (2024). Dynamics of demographic development of regions of the Asian part of Russia. *Geographical Bulletin*, 71(4), 79–90.

Для цитирования: Волкова О.А. Социально-демографическая дивергенция в странах постсоветского пространства: концептуализация на основе анализа динамики социально-демографических показателей / О.А. Волкова // PolitBook. – 2026. – № 2. – С. 83–94. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-2-83-94.